

— Проснулся? — раздался над головой низкий голос. Холодный, но не отстраненный, он был пронизан врожденным высокомерием мужчины, в котором, впрочем, скрывалась едва уловимая нежность. Властные замашки, выработанные на полях сражений, придавали каждому его слову и жесту непреодолимую напористость, но с Шу Шиюнем в этом голосе сквозила лишь мягкость.

Шу Шиюнь замер, едва услышав этот голос, а ладони его мгновенно покрылись холодным потом. Он еще не был готов к встрече с Хэ Цинцы лицом к лицу, и внезапное появление этого человека рядом заставило сердце Шу Шиюня биться с пугающей силой.

Хэ Цинцы, казалось, не придавал этому значения. Одной рукой он держал книгу по военному искусству, а другой приобнял Шу Шиюня за округлую талию, притягивая к себе, а затем подобрал сползшее одеяло и укутал его с головы до ног.

Шу Шиюнь уткнулся ему в грудь, жадно вдыхая до боли знакомый аромат, по которому так долго тосковал.

Никто из них не произносил ни слова. Хэ Цинцы был погружен в книгу, но его рука мерно и ласково поглаживала Шу Шиюня по спине, помогая тому прийти в себя после тяжелых рыданий.

Когда Шу Шиюнь наконец перестал всхлипывать и успокоился, Хэ Цинцы позвал слуг, чтобы те принесли горячей воды. Умыв Шу Шиюня, он отжал полотенце и бережно приложил его к покрасневшим, припухшим векам.

— Да Суй уступил двадцать четыре города в обмен на перемирие. Его Величество оставил их наследного принца в качестве заложника. По крайней мере, ближайшие двадцать лет Да Суй не посмеет посягать на наши земли.

— М-м, — Шу Шиюнь по-прежнему не поднимал головы.

— Поэтому в ближайшее время я буду свободен и смогу остаться в княжеской резиденции, чтобы как следует позаботиться о тебе. Когда тебе станет лучше, я возьму тебя с собой развлекаться.

Хэ Цинцы отложил полотенце, служанки бесшумно удалились. Он сел на постели, устраивая Шу Шиюня так, чтобы тому было удобнее прижиматься к нему.

Шу Шиюнь так долго не видел его, что не знал, с чего начать разговор. Особенно его тревожило, как заговорить о господине Чжао Хэне.

Он не хотел прерывать этот миг нежности, но и не желал, чтобы Хэ Цинцы превратно его понял. Помолчав некоторое время, он все же слегка отстранился. В его темных глазах

отразилась такая сложная гамма чувств, словно мелкий дождь, разбивающийся о камни: нежность, смешанная с невыразимой печалью.

— Цинцы, ты еще помнишь господина Чжао... Чжао Хэна? Он до сих пор не женат...

При упоминании Чжао Хэна на лице Хэ Цинцы промелькнуло неоднозначное выражение:

— Помню. Он до сих пор не нашел себе супруга?

— Да, — Шу Шиюнь сжал пальцы и с трудом, прощупывая почву, произнес: — Если ты все еще любишь его, может быть... тебе стоит взять его в жены?

Сказав это, он не решился взглянуть на лицо Хэ Цинцы. Если бы там мелькнула хоть тень радости, его сердце пронзила бы нестерпимая боль.

— Ты хочешь, чтобы я женился на нем? — Хэ Цинцы бесстрастно взглянул на него, видя насквозь всю его тоску и горечь.

На душе у Шу Шиюня было невыносимо горько:

— Господин Чжао Хэн обладает блестящим талантом и выдающейся внешностью, он первый среди четырех знатных мужей Шэнцзина. Конечно, он не взглянет на обычных людей, только князь достоин его...

— Хорошо, что ты это понимаешь, — Хэ Цинцы безжалостно прервал его искреннюю, пусть и продиктованную досадой похвалу. — Его характер совсем не похож на твою кротость и мягкость. Он дерзок, своенравен и никогда не согласится быть наложником.

У Шу Шиюня перехватило дыхание. Казалось, на него вылили ушат ледяной воды, и лицо его стало бледным, как у призрака. Он думал, что подготовился к худшему, но когда многодневные страхи стали реальностью, боль оказалась невыносимой.

Собравшись с силами, он едва прикрыл глаза и выдавил из себя слабую, болезненную улыбку:

— И... что же ты намерен делать, князь?

Неужели он собирается дать ему развод и возвести Чжао Хэна в статус Чжэнцзюня?

<http://bllate.org/book/19189/1884662>